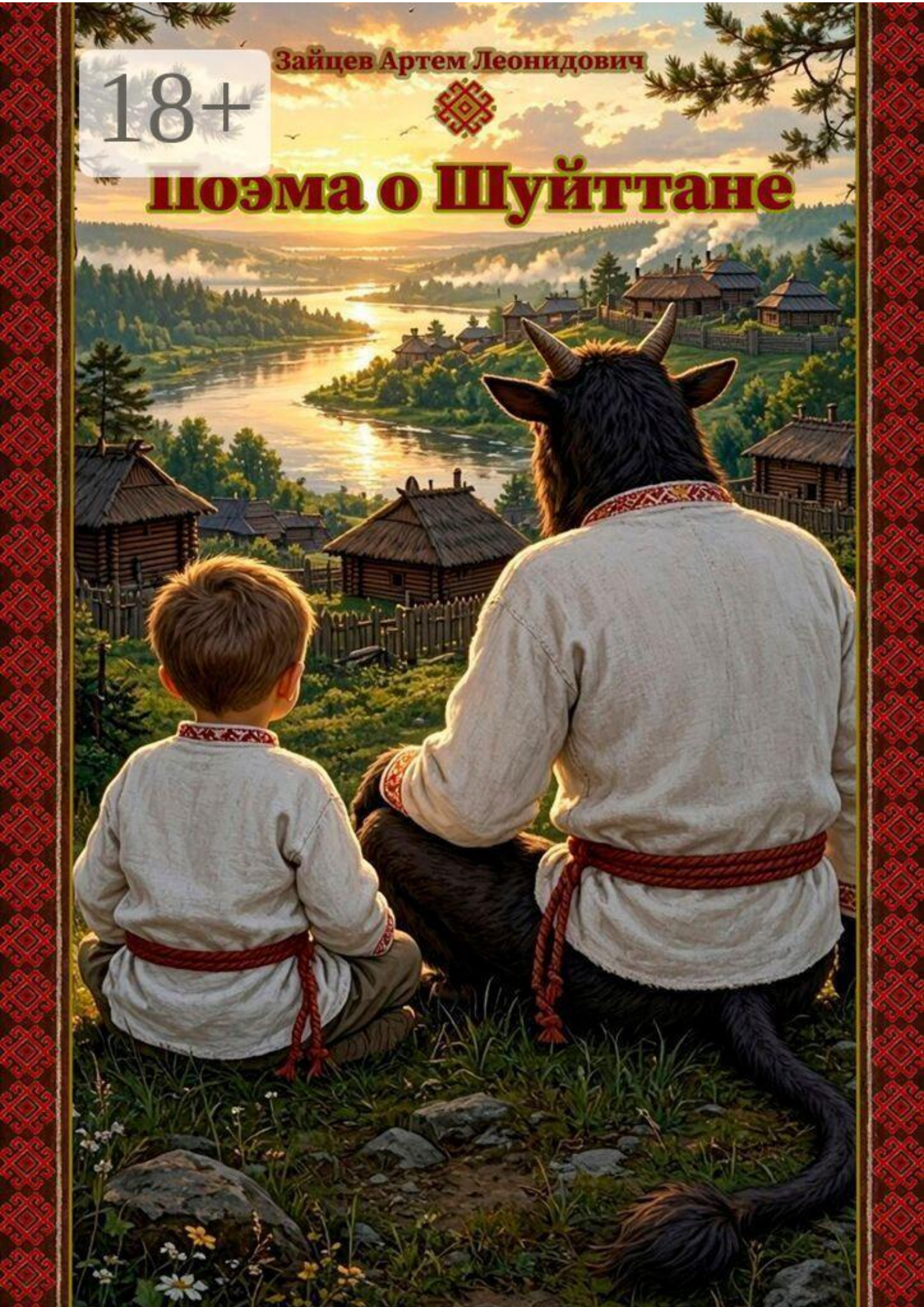
18+
Зайцев Артем Леонидович
Поэма о Шуйттане

Артем Зайцев

Поэма о Шуйттане

«Издательские решения»

Зайцев А. Л.

Поэма о Шуйттане / А. Л. Зайцев — «Издательские решения»,

Необычная ошибка становится началом долгой истории, в которой переплетаются мир людей и мир духов, детские проделки и серьёзные испытания, народный юмор и древние мифологические образы.Основанная на чувашской мифологии, эта сказочная поэма рассказывает о взрослении, привязанности, памяти и ответственности. О том, что даже тот, кто рождён по другую сторону добра и зла, способен измениться. И о том, что добро, однажды совершённое, порой продолжает жить, даже если о нём уже никто не помнит.

© Зайцев А. Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Глава первая 7
Молодо-зелено 7
Беспокойный малый 13
Глава вторая 15
Котёнок 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Поэма о Шуйттане

Артем Леонидович Зайцев

© Артем Леонидович Зайцев, 2026

ISBN 978-5-0071-8144-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта история началась с желания рассказать сказку — такую, которую можно читать вместе с детьми, но к которой и взрослый сможет вернуться, найдя в ней что-то своё.

В её основе лежат образы и представления чувашской мифологии. Мне хотелось, чтобы они стали не просто украшением повествования, а частью живого сказочного мира, в котором у каждого существа есть своё место, свои правила и своя история. При этом «Поэма о Шуйттане» не является пересказом какого-либо одного народного предания. Знакомые мифологические образы здесь соседствуют с моими собственными персонажами, событиями и представлениями.

В центре этой истории — необычная встреча двух существ из разных миров. Один из них ещё только учится быть человеком, другой, казалось бы, давно знает своё место в мире и не нуждается ни в чём человеческом. Но случайная ошибка постепенно меняет обоих.

Мне не хотелось делать героев безупречными. Они ошибаются, упрямятся, сердятся, порой поступают нелепо и не всегда понимают последствия своих решений. Наверное, именно поэтому их история для меня — не столько сказка о борьбе добра и зла, сколько рассказ о взрослении, привязанности и ответственности. О том, что происхождение ещё не определяет, кем ты станешь, а однажды возникшая связь может оставить след даже тогда, когда память о ней исчезает.

Я надеюсь, что эта история подарит читателю немного сказочного настроения, улыбку и, возможно, повод задуматься. А ещё мне хотелось бы, чтобы через неё читатель прикоснулся к миру чувашских преданий и почувствовал, что мифология — это не только рассказы о далёком прошлом, но и неисчерпаемый источник новых историй.

Глава первая

Молодо-зелено

Месяц мучает вопросом.
Снег метёт. Дворы полны.
Тень мелькает среди сосен,
Что стоят словно сыны.
Ветви гнутся, стынут росы,
Стужа землю обняла.
Тень та — малый Шуйттан[1] косый,
Что спешит из пекла зла.
За спиной его котомка,
В ней подарок с узелком:
Не игрушка, не обновка —
Дар, обёрнутый тряпьём.
Там дитя едва лишь дышит,
Хилое, как лунный свет.
Слишком мал — ещё не смыслит,
Ни румянца, ни примет.
Старший Шуйттан, дым клубами,
Напускал на юнца страх:
«Ты лети между домами,
Покажи нам свой размах.
В те края, где избы — в иней,
Где чувашский дух живёт,
Подмени дитя нам ныне —
Кто сильнее — к нам пойдёт.
Коль красив, здоровый малый —
Наш трофей. А тот, что хил,
Пусть растет в дыре той самой,
Мол, чем Турă наградил».

Вот летит слуга кромешный,
Нюхает ночной мороз.
Пусть пока он и безгрешный,
В сердце будет сажа, плёс.
Путь неблизкий, путь ухабист,
Слепит снег и бьёт в глаза.
Вдруг — деревня. Дым клоками.
Два крыльца, одна гроза.

---

[1] *Шуйттан — бог зла и мрака в чувашской мифологии. Олицетворение зла, предводитель злых духов, отец-основатель подземного мира. В данном произведении все Духи и Существа мифологии представлены большим количеством представителей вида. Шуйттан малый — то же, что и чёрт.*

В первом доме стон и крики,
Бабы носятся с ведром.
Там ребёнок слишком тихий —
Он родился неживой.
Мать рыдает, рвёт рубаху,
Слёзы стынут на губе.
Повитуха шепчет свахе:
«К сожаленью, быть беде».

Во второй избе, что рядом,
Пир горой и смех до слёз!
Мальчик с ясным, чистым взглядом,
Крепкий, словно стебли роз.
Мать счастливая в истоме,
Бабы пляшут у печи.
А Шуйттан застыл у дома,
Чует — случай упустил.

«То ль несчастье? То ль удача?
Два крыльца — и два дитя!
Где тут план? Где тут задача?
Одного-то взять — шутя.
А тут два… Кого хватать-то?
Тот мертвее, чем бревно.
Этот — кровь с водой, куда-то
Смотрит резво и хитро…»

Вдруг из первой избы двери
Настежь! Бабы на порог.
Кутаются словно звери,
Каждая несёт свой рог,
А в руках кусочки хлеба.
Ставят в снег, творят обряд.
Шуйттан спрятался под небо,
Слышит слово, слышит лад.

Первая уж за порогом:
«Турă[2]!» — крик в ночную тьму.
«Ты, Всевышний, дай, ей-богу,
Дай же душу малышу!»

[2] *Турă — верховный бог в чувашской мифологии, центральный сакральный образ в системе религиозных верований чувашского народа.*

Бьёт в кастрюлю — звон далёко,
Снег искрится под луной.

А вторая споро в подпол
Спрыгнула, как зверь какой,
Разошёлся её вопль
Там, где хлеб лежит зимой.
Бьёт в кастрюлю, гуще, глуше:
«Шуйттан! — эхом по углам. —
Ты хотя бы нас послушай,
Душу дай, помоги нам!
Шуйттан! Слышишь? Тьфу, лихого,
Мы и к чёрту, лишь бы жил!
Дай глоток добра земного,
Чтоб младенец не тужил!»

Третья баба — во двор вышла,
Хлеб ломает на снегу:
«Земляные духи! Слышно?
Помогите вы в беде!
Светом вы и тьмой хранимы,
Светлый Боже и злой дух,
Знаю, вы необозримы,
Дайте жизнь! И дайте слух!»
Шуйттан слушал, замирая.
Просьбу слышит! В первый раз.
Там, где вечность неживая,
Где греховный смрад и газ,
Там он лишь пустое место,
А тут — просят, вот те раз!
Тихо выглянул с насеста,
Сердце дрогнуло тотчас.

А в избе дитя не дышит,
Мёртвый ком клочком лежит.
Шуйттан думает: «Кто ж выдаст?
Если просишь, то держи!
Просят всех — богов и чёрта,
«Дайте душу?» — Ну, так дам!
Раз хотите хоть от чёрта,
Но живого — по рукам!»

Потерялся малый, глупый.
В голове туман и звон.
Вместо хиленького трупа —

Оставляет крепкий сон!
Даже из другой избушки,
Где здоровый мальчик ждёт,
Не крадёт заветной тушки:
«Горя нет, — мол, — пусть живёт!»

А в котомку — то, что тише,
То, что дышит еле-еле?
Нет! Делает он то, что слышит:
«Душу дайте! В самом деле!
Раз просили — значит, надо.
Раз молилась, то он твой:
Хилый пусть лежит в награду
Матери, что под луной
Родила уж неживого,
Я ж возьму того, кто мёртв,
Закопаю от лихого,
Хоть и чёрт я, но не чёрств».

Мёртвого схватил в охапку.
Хилый жив, остался спать.
Крепкий спит уж в зыбке сладко,
Не пришлось и воровать.
И летит назад довольный,
Свищет, пляшет в вышине —
Миссию считает полной —
Словно воин на коне.

А внизу, в избе, где плачут,
Вдруг младенец подал глас!
Повитухи чуть не скачут:
«Чудо посетило нас!
Жив! И даже задышал!
Шуйттан дал! И Бог помог!
Кто там хлеб во двор закинул?
Земли духи дали срок!»
И пошла молитва в небо,
Благодарность, тёплый свет.
«Слава Шуйттану и хлебу!
Вере той преграды нет!
Спас ребёнка, дал дыханье,
Пусть и тёмный, но помог!»
А в аду уже — роптанье,
Стук, и крик, и скрежет ног.
Прилетает малый, гордый.

В «Тамăк[3]» входит, грудь вперёд.
Вместо лавров — морды, морды!
Старший Шуйттан аж ревёт:
«Ты кого принёс, скотина?
Это что за дохлый груз?
Где подмена? Где мужчина?
Где здоровый карапуз?
Ты ж не хуже, не слабее!
Мертвяка домой припёр!
Нужен был поздоровее!
Превратил заданье в сор!»

И давай тузить и драться,
И подручные — хлыстом!
На задворки отправляться
С грязным, ржавеньким скребком.
«Будешь вечность убираться
За грехами и душой!
Чтоб ни сесть тебе, ни взяться,
Чтоб не пахло здесь межой!»

Шуйттан малый скрёб и плакал,
Слёзы сажей вытирал.
Вдруг — как свет! Как будто злаком
Кто-то щедро поливал!
Тёплый луч сквозь смрад и копоть,
Песня, запах молока.
Это бабы через шёпот
Душу малую его
Тряпьём волокут наружу,
В благодарность, словно мост,
Тащат Шуйттана из стужи,
Из подземных, горьких звёзд!
«Ах! — он охнул. — Это что же?
С той земли меня зовут?
Не ругают — вот и гоже,
Там, небось, не так как тут.
Только кто там привечает
И настойчиво стучит?
Кто-то в рай меня венчает
Иль на землю воплотит?»
Вновь в тот домик, где кричали,
Он летит на свет, на зов:
Мать с младенцем привечали
Среди снега и ветров.

[3] *Тамăк — то же, что и ад, это место мучения грешников в загробном мире. Главная обитель Шуйттана.*

Только встал он на пороге
И проникнул в дом, как тень,
Видит дел своих итоги:
У людей прошёл лишь день,
А младенец — тот, что выжил,
Благодарностью спасён,
Не похож на доходягу,
Он, напротив, полон сил,
И хватило только взгляда,
Чтоб понять — он поспешил
Помогая этим людям,
Ведь теперь его ярмо —
Сотворить не просто чудо,
А отвадить всяко зло.

Беспокойный малый

Время мчится словно ветер,
Ничего не разберёшь.
Лишь полгодика отметил,
Он ползёт, куда не ждёшь!
То к печи, а то к ухвату,
То за нож, то за топор!
Смерть идёт за ним, как плата,
Каждый миг, как приговор.

«Мать честная! — Шуйттан ахнул. —
Вот так влип! Вот так дела!
Я ж дитя от смерти прянул,
А оно — туда, где мгла!
Чуть к огню — я таз с водою,
Чуть в подпол — я дверь держу!
Стал я нянькой, сам не скрою,
Для того, за кем гляжу.
Лучше драил бы задворки,
Чем теперь пучить глаза!
Чтоб не падал с крутой горки,
Не хлебал из пойла зла».

Вот такая вышла доля:
Не украл, а сам попал.
Шуйттан понял: чья-то воля —
Чтоб дитя он охранял.
И стоит он у порога,
Сторожит и день и ночь,
А младенцу-недотроге
Всё неймётся, всё невмочь
Просто спать в своей кроватке.
Лезут ручки, тянут нож,
То в золу, то в подпол к крыске,
То найдёт, проглотит вошь.
И не знает мать-простушка,
Что за тень хранит очаг,
Что чувашская старушка
Не просила бы никак
У Богов и у Шуйттана
Душу, если б знала в точь,
Что с дитём такая драма?
Кто бы чёрту смог помочь…

Наклонилась мать над зыбкой,
Смотрит в мелкое лицо:
«Ты расти, мой свет, не зыбким,
Вырастай в отца — дельцом.
Будешь пахарь или воин,
Или совестью села».
Шуйттан рядом, сам не свой он:
Сердце ёкнуло — тепло.
Он не ведал в адском строе
Чувства, чтоб в груди цвело.
Мальчик вскинул вдруг ручонки,
Пальцы сжал — и засиял
Небу, маме, и в сторонку.
Чёрт отпрянул, нос зажал:
«Чтоб младенец улыбался —
Так, положено ему,
Но я видел — он старался
Зубоскалить мне. В бреду
Словно бы я очутился.
Это было неспроста…»
Мать вздохнула: «Сон приснился…», —
И закутала мальца.

Шуйттан мается, хлопочет,
А младенец всё растёт.
То ли в смерть убраться хочет,
То ли жизнь ему даёт.
Вот такой закручен узел,
Вот такой чувашский сказ.
Кто молился, тот не тужил,
Кто украл — тот нянчит нас.

Конец первой главы

Глава вторая

Что такое «хорошо», что такое «плохо»?

Дни сменяются неделей,
Месяц, два и праздник вот.
И солнцеворот весенний
Предвещает новый год.
Дети солнышко встречают
Выбегают на восток.
Старики им в след кивают —
Мăнкун[4] снова на порог.
Дружно веселятся дети
Счастья полные штаны,
А у главных врат деревни
Ждут различные дары.
Солнце исполняет танец,
Укăлча[5] собрал народ,
И сквозь утренний румянец
Мучи[6] сказки в уши льёт:
Как однажды смело солнце
Побороло злое зло,
И что этого уродца
Вупаром[7] оно звало.
Но сейчас, когда чуваши
Приняли в себя Христа,
Празднуют то, как умерший,
Снят учеником с креста,
И у Йосэфа[8] в пещере
Через тридцать три часа
Он воскрес. А в новой эре
Все хотят на Небеса…
В эту праздничную среду,
Нарекали деток в честь
Красоты, любви, победы,
А хилого — в зловещесть.
Мать, дитя к груди сжимая,
Вспомнила, как в час ночной
Кто-то спас, не разбирая,
Кто там светлый, кто иной.
«Коль Шуйттан дитя воротит,

---

[4] *Мăнкун — праздник встречи весеннего нового года по древнечувашскому календарю.*

[5] *Укăлча — околица, место за околицей*

[6] *Мучи — старик, дед (почтительное обращение).*

[7] *Вупар — злой дух, колдун/ведьма в чувашской мифологии*

[8] *Иосиф (Йосеф) — согласно Библии, тело Иисуса Христа было погребено в пещере, принадлежавшей Иосифу Аримафейскому. Эта пещера находилась в саду Иосифа, недалеко от Голгофы — места распятия Христа*

Значит, имя дать должны
В честь того, кто не упросит,
В честь спасителя от тьмы!»
Поп крестился, бабы тоже
Отшатнулись: «Вот те на!
Может будет что-то гоже?
Назови в честь Юмана[9]!
Ты не стукнулась ступою?»
Но стоит уж у окна
Батька с куполью святою,
Мать с младенцем на руках.
И, услышав это имя,
Шуйттан малый так и сел!
Там, в углу, под образами,
Он от горя побледнел.
Как же так? Его, из пекла,
Именем своим зовут?
Не спасеньем, так издевкой
Нарекают? Жуткий труд!
Но обдумывая имя,
Отец долго размышлял,
Чтоб потешить их гордыню,
Сына «Исампай»[10] назвал.
А Шуйттан к нему привязан,
Пока не половозрел,
Он присматривать обязан,
Чтобы вырос и был цел.

Первые тяжелые годы

А ребёнок-недотрога,
Словно помереть не прочь
Ищет в рай пряму дорогу
Даже днём и пуще в ночь.
Только год прошёл, а в зыбке
Мать оставила с утра.
Сама в поле. Там с улыбкой
Сено косят для двора.
Просит старую соседку:
«Присмотри, лишь на денёк»
И для помощи наседке
К ней пришёл и муженёк.
Потому она глядела

[9] *Юман — богатырь, персонаж сказки «Юман паттăр», одной из распространённых в чувашском фольклоре.*

[10] *Исампай — от чувашского «исам» (чудо, удивительный) — можно перевести как «Невредимый господин, здоорвый» или «Чудесный ребенок».*

В половину сил своих.
А дитя — куда хотело,
Край кроваточки — и вжих!
Кувырком через перила,
Вниз головкой, прямо в пол!
Но незримая тут сила
Подхватила — не ушёл.
Шуйттан лапой словно мячик
Изловчился и поймал.
Только губки разбил мальчик,
Алым ротик засиял.
Только шрамик через губы,
Словно метка, словно знак:
«Более спасать не буду,
Берегись теперь, дурак!»

Вот два года пролетело.
Чан с едою на огне:
Бабка скот кормить хотела,
Но присела в полусне.
А дитя — туда, где спички,
Где бурлит вода ключом.
Опрокинул всю водичку
На себя — и нипочём:
Шуйттан бросился, заслонкой,
Своё тело подставлять.
Лишь струя одна украдкой
Пузо стала прожигать.
Шрам остался, снова метка,
Память о былом тогда,
Как вздыхала та наседка —
Мимо вновь прошла беда.
Каждый день сплошная драма —
Перестало удивлять.
Не найдя ничью управу,
Стал Шуйттан про всё писать:
Летопись о том мальчонке.
Каждый новый эпизод,
Как на поднятой ручонке
Смерть держала за шкирок.

Через год, смотря на книгу,
Он расстроенно вздыхал,
Словно личную веригу,
При себе её таскал.
А она не уменьшалась,
Лишь росла как на дрожжах:

На столе не умещалась!
Что же было на листах?
В третий год была забава:
В лес уйти, где волчий след.
Очень долго мать искала,
Не могла найти ответ:
«Где же сын? Куда пропал он?
Не нанёс ли себе вред?»
А Шуйттан уже привычней
Шёл за мальчиком след в след.
Лишь при виде стаи волчьей
За кушак принёс в обед.
В тот же год он, словно ветер,
Захотел отца найти.
Тот был за болотом, где-то,
Вёрст пятнадцать по пути.
За плотиной, через топи,
Где вода — черней чернил.
Шуйттан взвыл: «Эй, Турă… Стоп! Ты
Что ж дитё не защитил?
Мне ж теперь за ним в болото
На себе тащить что ль нать?»
Но нельзя — он тень, он кто-то,
Кто даёт ему пригляд.
Только хвост есть — тощий, длинный,
Чуть плотней, чем дым и пар.
И стелил он хвост свой чинно
Под ногами словно дар.
Мальчик топал по хвостищу,
Не проваливаясь в топь.
Шёл и шёл, но вдруг — затишье.
Он устал, дойти не смог,
Повернул назад, к порогу,
Не осилив путь к отцу.
Мать металась по дороге —
Нет покоя никому!
Вся в слезах. Слова соседки:
«Жёлтый чуб мелькнул вон там!
Ох, помилуйте нас предки,
Он гуляет по полям!
Дал же Турă тебе сына,
Из деревни он ушёл!»
А дитя уже у тына,
У крыльца, всё хорошо.
Мать к груди — и тихо плачет,
Жмёт к груди этот комок:
«Это дар, и не иначе!», —
И не знает, кто берёг.

Котёнок

После случая с болотом,
Где хвост стлался, как мосток,
Исампай спросил с заботой:
«Дед, а я вчера как кот
Из реки достал котёнка.
Он дрожал — к груди прижал.
Мать тогда ругалась звонко,
Прогнала. Теперь он стал
За сараем жить, но только
Как мне быть? Кормить его?
Только тихо, лишь легонько
Подавать хлеб-молоко?
Мой поступок — добрый? Всё же
Слабый он, не ловит мышь.
Лучше утопить?» Дед, строже:
«Нет! — сказал — Ты говоришь
Словно глупый. Мышка даже —
Турă дар, а коль решишь,
Что не нужен тот, кто слабже —
Сам ослабнешь. Не спеши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.